

МАРТЫНЮК НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ

**«Нет в России семьи такой, где не памятен свой герой...»
О Николае Фёдоровиче Мартынюке**

В России нет ни одной семьи, где бы так или иначе война не оставила след. Все, от мала до велика, вносили свой вклад в Победу, которой исполнится 70 лет. Печально, что уходит поколение, вынесшее на своих плечах 1418 дней и ночей самой кровопролитной войны – Великой Отечественной.

Николай Фёдорович Мартынюк, ныне подполковник в отставке, с первого трагического дня 41-го и до радостного победного 45-го был на фронте. Его

боевой путь – от Москвы до поверженного Берлина. Прожитые годы оставили глубокие отпечатки на его лице. Несмотря на солидный возраст, – шутка ли, в феврале 2015 года отметил 93-й год рождения! – он седовлас, молодцеват, подтянут, у него отличная память. Он из тех людей, общаться с которыми не только интересно, но и поучительно. Родина его – тихий и живописный украинский городок Коростышев, что на реке Тетерев в 28 километрах от Житомира и ста – от Киева.

Когда был маленьким, жизнь казалась ярче, его окружали приветливые и дружелюбные люди, а проблем будто и вовсе не было. В памяти предвоенные годы. Заканчивая восьмилетку, он думал, какую протаптывать тропинку в будущую жизнь. В то время патриотический порыв у молодежи был высоким. В военные училища принимали самых достойных. Николай Мартынюк, выдержав большой конкурс, поступил в Киевское военное училище, куда его провожали родители, брат и сестра.

«22 июня было солнечно, – вспоминает подполковник в отставке. – Почти миллионный Киев жил по-воскресному, хотя первые немецкие бомбы взорвались в городе ещё до восхода солнца. Но их взрывы горожан не напугали: все подумали, что на окраинах идут обычные армейские учения. Сообщение о начале войны прозвучало по радио в полдень, через 8 часов после начала боевых действий. Спустя некоторое время на всю страну стали известны слова песни: «22 июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война». На следующий день мы, курсанты военного училища, получили приказ выдвинуться на защиту города, но никто всерьёз не думал, что война затянется, никто не мог предположить, что город может быть оставлен. Немцы, захватив инициативу на земле и в воздухе, за три недели продвинулась вглубь нашей страны на 500 км. Через неделю в Киеве началась эвакуация. 325 тысяч киевлян отправились на Восток – в глубокий тыл. По приказу министра обороны в Сибирь, в город Ачинск, с фронта эвакуировали и наше военное училище, переименовав его позднее в военно-пехотное.

В Ачинске мне присвоили звание лейтенанта и направили в формирующуюся для защиты Москвы 42-ю отдельную стрелковую бригаду полковника М. Батракова. Пройдя боевую подготовку, бригада 13 декабря прибыла на станцию Люберцы и была включена в резерв войск Московской зоны обороны. После марша, в ночь на 22 декабря, мы заняли оборону с задачей не допустить прорыва противника на Москву и быть готовыми к наступательным действиям. Я был назначен командиром миномётного взвода.

Через неделю с обороняемого рубежа в составе 1-й Ударной армии бригада отбыла на Северо-Западный фронт и после Нового года участвовала в контрнаступлении на Можайской линии обороны, продвинувшись на 120 км. Это была первая победа, а у немцев – первое поражение. Миномётчики сражались отчаянно. Мы практически валились с ног, перетаскивая на себе стволы и плиты своих 82-миллиметровок, а также боеприпасы туда, где создавалась угроза прорыва. Развернув позиции, оглушённые непрерывным грохотом, пьяные от порохового смрада, вели огонь по противнику. Огневой вал с нашей стороны был впечатляющим.

19 января при наступлении я получил пулевое ранение в грудь. Лечился полмесяца в госпитале. После излечения воевал в 20-й гвардейской стрелковой дивизии уже командиром миномётной роты, отвоевывая в тяжёлых и кровопролитных боях у противника свою территорию. В августе сорок второго недалеко от меня разорвалась бомба, и меня вторично ранило в ногу. Кость, к счастью, не повредило. Пока шёл бой, я лежал в воронке, а потом меня подобрала санитары и отправили в госпиталь. Я слёзно умолял врача: «Выпишите меня на фронт, у меня семья в оккупации, кто их будет спасать?!».

Когда рана затянулась, попал уже в 70-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Полковник 205-го полка приказал мне принять миномётную роту, пояснив, что на Курской дуге предстоят тяжёлые бои, нужны проверенные бойцы и командиры, уже обстрелянные в боях. Надо сказать, что Гвардейский титул давали только элитным, особо отличившимся в боях подразделениям, поэтому этим званием все гордились.

Летом 1943 г. наше командование, раскрыв вражеские планы наступления в районе Курской дуги, хорошо подготовило оборону, а затем мы перешли в контрнаступление. В ходе грандиозного танкового сражения (до 4000 тысяч танков с обеих сторон) враг был разбит, что предопределило окончательный крах наступательной стратегии германской военной машины. Правда, в боях за Днепр, я потерял половину роты. С боями мы сначала продвинулись до Днепра и получили приказ с ходу его форсировать. Каждая атака в бою для нас была как последней. Приказ мы выполнили. Проявив боевую смекалку и боевой азарт, на лодках и брёвнах переправились и завладели позицией. Очухавшиеся немцы начали оттеснять нас с завоёванного плацдарма, но за ночь наши возвели понтонные мосты и бросили технику, изрядно потеснив немцев.

После Курского сражения нашу дивизию повернули на Карпаты. В ходе проведения Восточно-Карпатской наступательной операции завязались ожесточенные бои. Фашисты защищались с остервенением. Чувствовали, вероятно, близкий конец. Они заблаговременно создали здесь прочную оборону, заминировали дороги, вдоль которых должны были двигаться наши войска, установили деревянные и каменные завалы, а мосты подготовили к взрыву. Бои пришлось вести в горно-лесистой местности. 14 сентября 1944 года наша дивизия попала в окружение, оказалась в «мешке». Под покровом ночи вместе с кавалерийским корпусом ей удалось прорваться, а моя рота не смогла, так как связи не было. Развернув карту, мы приняли решение идти по направлению к Чехословакии. Четыре месяца плутали в горах, боролись за жизнь, партизанили. Когда фронт в январе 1945 года перешёл в наступление, в Кракове сумели соединиться с частями нашей армии.

Всё это время роту считали пропавшей без вести. Домой отправили сообщение, что я «пропал без вести». На пересыльном пункте нас снова поставили на довольствие, сменили обтрёпанное обмундирование. Особисты дотошно выясняли обстоятельства нашего воскрешения. К счастью, всё обошлось. С этой частью мы дошли до Германии. В день Победы радости было много. Мы пели песню: «Будь смелым, будь храбрым в жестоком бою, с победой домой возвращайся!».

Войну я закончил в звании капитана, не прятался за спины других, делал ратную работу на совесть и без оглядки на опасность. Вот и ордена Отечественной войны и Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» получил за мужество и отвагу, проявленные в боях. Если бы не попал в окружение, наград было бы гораздо больше.

Военные историки подсчитали, что командир миномётного взвода и роты, то есть средний командир, в бою жил четыре дня. Конечно, тогда я не знал, что вероятность выжить в войну у меня была так ничтожно мала. Теперь-то ясно: судьба милостиво обошлась со мной, хотя в войну мы повидали такое, что не жившим в тот век не понять нас до конца. Пережитое до сих пор ещё подкатывает комом к горлу.

После Победы получил назначение на службу в Свердловск, в Уральский военный округ, которым командовал Георгий Жуков. Служил командиром строительной роты, потом два года начальником штаба стрелкового батальона в городе Кунгуре, затем – в роте сопровождения воинских грузов в Перми и Кирове. А когда роту отправили в Туркестан, мы, офицеры, остались в Кирове. Дослуживать пришлось в Пинюге. В июле 1971 года в звании майора уволился из армии и вернулся в Киров, где жила семья: жена работала, а дочка училась в институте. Сидеть без дела не мог, и четверть века ещё работал помощником директора по хозяйству в училище связи.

Скрашивают моё одиночество внучки, правнучка и два правнука. Очень тяжело пережил смерть жены, тоскую по своей половинке. Грустно, что впятером живём в двухкомнатной квартире – вот что я завоевал. Недавно ещё трудился в саду, но больше не смогу: всё-таки прожитые годы и старые раны дают о себе знать, да и хвори одолели, очень подвело зрение, почти не вижу...»

Нелегко давались эти воспоминания ветерану, ему было непросто снова обнажать своё сердце, возвращаться к пережитому и увиденному, ко всему тому, что выпало на его долю.

«Я до мозга костей советский человек. Мы искренне были влюблены в своё Отечество. Интересы страны были для нас на первом месте. Наше поколение сделало всё, чтобы страна была процветающей и авторитетной, – говорит он с горечью. – Советский Союз вышел из войны израненный, с большими человеческими жертвами и материальными утратами, но его военная мощь и авторитет в мире возросли тогда многократно. Я рад, что помню нашу страну молодой, великой и могучей, которую мы любили, гордились ею и могли постоять за неё. Жаль, что новое руководство не по-хозяйски распорядилось достигнутым. Обидно, что горе-политики предали советский народ. К какому берегу мы пришли? Стали беспокойно жить, нет уверенности в завтрашнем дне, как не стало и цели, к которой стремились. Наши дети и внуки не защищены. А о трагедии Украины говорить тяжело. Не могу понять, как такое возможно...»

На этой горькой ноте Николай Фёдорович завершил рассказ о войне. Их Победу нельзя оценить никакими словами, никакими деньгами. Жаль, что уходят из жизни солдаты Великой войны – уходят в легенды, воспоминания, песни, в гранит мемориалов. Жаль, что многие уносят в небытие живые свидетельства истории страны. Каждый час для них на вес золота. Лучшее, что

мы можем для них сделать – услышать их и сохранить в наших сердцах память о великом подвиге, совершённом ими.

*Материал подготовила
Лидия Георгиевна Семёновых,
заведующая тифлоиздательским сектором
Кировской областной
специальной библиотеки для слепых.*